

Календарь — 1994. — 15 февраля — С. 7

Во дни конфлиktования всего со всем так хочется укрыться в театре, спрятаться от уличных драк и облиться над вымыслом слезами. Ничего не получается. Впрочем, по Шекспиру: «Мир — театр...» — все сходится. Все, как и везде.

Рабь любви

ТЮЗ, Таганка — типология конфликта

Сначала — две цитаты из статьи, под которой стоит моя собственная подпись. Материал был опубликован в нашей газете пять лет назад.

«Сможет ли Генриэтта Яновская... уже пользовавшаяся реальными правами художественного руководителя, удержать в театре талантливых и порядочных людей, не так давно на нее «восставших?»

«...Сохранить в театре талантливую уже не «копипозицию», а, скажем, «паритетную группу» — важно в первую очередь для нее самой. Получив для себя и «своих» актеров право целустремленно строить молодежный театр, важно сохранить и поддерживать тех, кому дорожно и ближе задачи детского театра... Пусть не будет подного единогласия, но пусть разномыслие будет уважительным и достойным».

Когда мы с критиком Александром Соколяским писали эти строки, в Мтюз уже родился замечательный спектакль «Собачье сердце» — первое детище только что назначенной главным режиссером театра Генриэтты Яновской и заново поверившей в свои силы лозоской труппы. Это был, без сомнения, плод любви и веры.

Откуда же тревожные предчувствия? Оттого что страсти, разгоревшиеся вокруг фигуры нового лидера и стихнувшие к моменту премьеры, оставляли за собой опасные зоны. Волею профессии мы вынуждены были в них окунуться. Теперь придется напомнить.

На «отсталый участок театрального фронта» был гордо-снимки властями «брошен» одаренный режиссер. Да простится мне железобетонная терминология, но именно в подобных, лучших традициях и была проведена эта акция. Режиссера привели на главный пост, а победилась. Все чего-то выгадывали да высчитывали. Создались двусмысленная ситуация. Столкнулись действия лидера, не имеющего, однако, официальных прав на лидерство, и отчаянные надежды усталой и заброшенной труппы на свое новое рождение. Вокруг Г. Яновской началась борьба, коллектив разделился на сторонников и противников, а «наверху» все не решались узаконить режиссера во властных правах. Решение стали подталкивать изнутри ТЮЗа, тут-то и пошли в ход все средства и проявились все человеческие качества. Вдобавок выбор Булгаковского «Собачьего сердца» открыто намекал на возможную смену ориентации театра. Затем идея была четко и ясно декларирована: не детский, но молодежный. Противники этой идеи в самом Мтюзе не заставили себя ждать, что тоже естественно.

Но победил... «Собачье сердце». Талант, адюксивенна и вера — эти, весьма хрупкие материю смогли погасить пожар. На репетициях создавалась атмосфера подлинного искусства и дажно не изведенного счастья, а премьера принесла триумф и славу. Дриэги ушли, вместе с ними смолкли и колокольчики, уже тогда вызвавшие беду.

Прошло пять лет. Г. Яновская давно уже главный режиссер, а теперь — и художественный руководитель, то есть безраздельный хозяин театра. А труппу потряс новый, гораздо более сокрушительный конфликт. Коллектив подавляющим большинством голосов выразил недоверие руководителю.

Мтюз, начав, было, восхождение и славе ныне — почти в руинах. Молодежники он там и не успел стать датским, похоже, перестал быть. За пять лет — три премьеры, а из старого, адресованного детям репертуара нещадным образом аниспугуруются лишь древние «Два илена» и «Анчутта». Многомесьяны простым расколотили и озлобили актеров. В их душах поселились обида, холод и страх. Да и в самом доме, что в переулке Садовских, — неуютно и потерянню. Сбита с фронтона аббревиатура ТЮЗ, сняты со стен фотографии актеров, масса пуста — кассиры ушли с работы. Уходит и многие другие, администраторы, артисты, среди которых — ведущие...

...А на собраниях коллектива, этих зловещих и, увы, чисто отечественных формах группового волеизъявления, вновь

прокручивалась палта пятилетней давности. Заучала поштине апокалипсическая для всех нас тема покаяния. Каялись те, кто пять лет назад боготворил и молился. Разочаровались, разуверились, отчаялись...

Замечаете, — все какие-то не деловые, слишком интимные и слишком человеческие мотивы? Что подделаете, они-то и есть самые взрывоопасные зоны нашего театра.

Вопреки формула Льва Толстого: «...Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», наши театральные «семьи» сегодня несчастливы одинаково. А потому обратимся к другому конфликту, потрясшему только что легендарную Таганку.

...И снова — собрание коллектива, снова это наше, душе-раздирающее толкование. Часть труппы разуверилась в своем Отце и учителе Юрии Петровиче Любимове. Звучит отчаянный и убийственный укор: «Вы нас не любите больше!» Для сравнения: самый частый рефран тюзовских актерских объяснений в адрес своего режиссера — «Вы не любите нас!». Различия ситуаций в двух театрах хоть и существенны в частности, но на удаление схожи в главном. Любовь — нелюбовь обладают в наших театральных организмах «дополнительными полномочиями». Если в Мтюзе взаимная любовь режиссера со своими актерами в чем-то не заведилась с самого начала, то на Таганке она была, и еще казалась Ею-то, а вернее, надеждой на ее возрождение и жила все эти годы труппа. Любима Отца, когда он покинул свою семью, любима, когда стал периодически возвращаться. Только всему на свете отпущен свой срок. В том числе и театальному, студийному единству. Один говорит: театральная «семья» жила и плодотворна лишь семь лет, другие отпускают ей лет пятнадцать. А наша замечательная Таганка куда старше...

Конфликт. Другой конфликт... Так что же, начнем, поднимаясь общей психологией драки, искать виноватых? Труд, ей-ей — неблагоприятный и совершенно напрасный. И не стоит, наверное, повторять очевидных истин. Ну, например, что ставить хорошие спектакли — это одна профессия, а руководить театром — другая. Или, что при всей правоте личных актерских претензий горько и постыдно выглядят коллективные личевания. Что режиссерский талант уникален. Что любой художник имеет право на паузу, и не след трясти его за воротник, требуя: где продукция! Что, с другой стороны, с художника, руководящего театром, у нас — спрос за все: и за продукцию, и за судьбы аваренных ему актеров, и за зртеля. Теперь еще — и за деньги, должности, здание, кусок земли, на котором стоит театральный дом. Блажен, кто, обладая даром ставить спектакли и строить театральные организмы, одарен вдобавок и умением считать, просчитывать и пробивать. Много ли таких? У нас же сегодня всякий, кто хочет сохранить театр и себя а нем, обречен тянуть десять лямок.

Стрежись, несомненно, убе-речь Театр на Таганке от грядущих рыночных штормов, Ю. Любимов предложил мэру Москвы свой проант контракта. В нем оговорены и права его адноначалия, и приоритетное любимо-ское право на приватизацию, и международный арбитраж на случай споров и конфликтов. Где-то в Цюрихе... Какой там Цюрих! Мы в Москве, где все театры а скором времени перейдут на систему контрактов, но ни один, похоже, и этой системе не готов.

И вот Ю. Любимов и Г. Яновская помнят себе головы из

проблемой выживания театров в условиях контракта, а труппы тем временем подчиняются безысходному инстинкту. Он им подсказывает: «Нас не любят больше, значит, и доверия больше нет». И возникает бунт. Все правильно, ведь от любви до ненависти один шаг.

Наш стационарный театр исконно строился по законам

семьи, где актеры полностью зависели от папы (мамы) — режиссера. Поможим это обстоятельство на природная особенность любого театра на земном шаре, в основе которых — взаимная любовь актеров и их лидера, общая вера, и мы получим отечественного театального монстра с очень человеческим, очень страдающим лицом. При постоянных труппах и их государственным подчинении у актерской братии намертво сформирован этот «семейный» комплекс. Это у князя, «тама» — контракты, временные связи, сошлих — разошлись. У нас же домострой, такова наша природа. А «природа» — выше, чем искусство, как говаривал король Лир. И бунтуют рабы устоявшихся человеческих связей. Тех самих, без которых не было бы у нас ни Таганки, ни «Современника», ни БДТ, ни эфросовской Малой Бронной...

Так мы жили, так и продолжем жить, а привычные связи тем временем трещат по швам на асей территории «шестой части суши». Где же убе-раться бедному театру!

Ни к чему еще раз уверять себя, что перемены неизбежны, а иная жизнь — неотвратимая реальность. Все и так ясно. И на надо пророчества. Надо только пригнуться к тому, что колокол уже звонит по многим, аще оставшимся нашим театральным семьям. Трезвому размышлению вопреки, отчаянно хочется из сбере-реть. Вот только как?

Наталья КАМИНСКАЯ.

Р. Б. НА МОМЕНТ подписания газеты в ТЕАТРЕ НА ТАГАНКЕ достигнут консенсус. Последнее собрание коллектива при участии председатели Комитета по культуре Москвы И. Вугаева решило не поддаваться сиюминутным страстям, а избрать путь доверия Ю. Любимову и согласия между противоборствующими сторонами.

МТЮЗ: здесь пока — без открытых столкновений и без существенных пераев.